DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-277-288

оригинальная статья
УДК 323; 659.1.012.12

Украинский кризис и Россия: теоретико-технологические аспекты проблемы

Андрей В. Андреев [a, @]
[a] ГТРК «Кузбасс», 650036, Россия, г. Кемерово, ул. Телецентр, 7, 3
[@] andreev@gtrk.kuzbass.net

Поступила в редакцию 13.06.2019. Принята к печати 30.07.2019.

Аннотация: В статье рассматриваются промежуточные результаты использования совокупности российских политических стратегий и технологий на украинском направлении внешней политики с момента обретения Украиной государственной независимости с учетом особенностей политического развития последней. Целью работы является выявление предпосылок, характерных особенностей и последствий украинского политического кризиса на рубеже 2013–2014 гг. и сформировавшегося по его итогам политического режима и порядка. На основе системного подхода и сравнительного анализа формулируется общая оценка политической ситуации, сложившейся на Украине по итогам «революции достоинства». На основе формально-логического анализа обосновывается необходимость осуществления комплексной ревизии суммы российских технологий посредством применения системного анализа к определенным политическим обстоятельствам. В результате проведенного исследования обоснована возрастающая роль политических технологий проактивного характера в ситуации глубокого кризиса ранее эффективных политических институтов, механизмов и норм. Акцентируя и обосновывая комплексный характер подобных технологий, сделан вывод о необходимости увязывания последних с политической рефлексией относительно места и роли Украины в системе российской внешней политики, а также относительно особенностей украинского политического процесса и характера сложившейся в этой стране политической системы. На основе обобщения опыта влияния России на упомянутые украинские события были определены общие условия, обеспечивающие эффективность воздействия России на изменчивую политическую ситуацию в странах постсоветского пространства с учетом противоречивости современных политических трендов. Область применения полученных результатов включает в себя сферы внешней политики, государственного управления и публичной политики.

Ключевые слова: политические технологии, политические стратегии, системный подход, постсоветское пространство, кризис развития, Украина, посткризисное регулирование, политическая рефлексия, про-активный подход

Для цитирования: Андреев А. В. Украинский кризис и Россия: теоретико-технологические аспекты проблемы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2019. Т. 4. № 3. С. 277–288. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2019-4-3-277-288

Введение

Вопрос о необходимости ревизии «суммы российских политтехнологий», сложившихся в течение 1990–2000-х гг. благодаря усилиям ведущих политтехнологов страны (Д. Орлов, А. Чесноков, Д. Гусев, А. Васильев, Е. Минченко, А. Богданов, К. Калачев, А. Куртов¸ И. Минтусов и др.) и обобщенно рассмотренных в работе О. Матвейчева [1], ставится не впервые. Почему же именно сегодня мы ставим вопрос о «сумме российских политтехнологий» и о необходимости их ревизии? Чем эта самая необходимость определяется?

Согласно часто встречающемуся сегодня определению, политические технологии – это регулярно трансформирующаяся система методов, процедур, форм и способов воздействия на актуальные политические события и поведение различных политических акторов с целью реализации долгосрочных целей и интересов. Политические технологии не только упорядочивают политический процесс, но и формируют определенную политическую реальность, создают условия для решения определенных политических задач.

Политические технологии интегрируют в себя как средства достижения краткосрочных и локальных политических целей (тактика), так и достижение долговременного и комплексного эффекта (стратегия). От адекватности и соразмерности применения тех или иных политических технологий зависит совокупная эффективность системы государственно-политического управления, ее способность решать текущие и перспективные политические задачи. Современный спектр политических технологий весьма широк, и все большее значение именно сегодня приобретают информационно-политические технологии, тесно связанные с определенными практиками социальной и политической инженерии. Оценить особенности и результаты их использования невозможно без контекстуального анализа, который основан на системной методологии, что позволяет исследовать определенные политические и идеологические феномены во всей их многогранности и многоаспектности – примером чего сегодня являются некоторые зарубежные исследования [2].

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-277-288

Непрерывно увеличивающееся значение медиа-пространства при решении масштабных задач, решаемых современным обществом (социальных, экономических, политических, военных), побуждает нас к определенной ревизии применявшихся ранее политических технологий и, прежде всего, информационных и тесно связанных с ними социально-инженерных и политико-инженерных технологий. Информационно-политические технологии призваны содействовать осуществлению целенаправленного влияния информационной сферы на другие области социально-политической деятельности посредством определенных трансформационных воздействий на массовое сознание. Массовое сознание выполняет роль своеобразного «универсального коммуникатора», связующего сферу медиа с другими значимыми областями социума воедино. В рамках этого процесса распространения влияния на другие сферы происходит конвертация капиталов (в понимании П. Бурдье [3, p. 94] – финансового в информационный и последнего – в политический; особую роль в процессе такой конвертации играют средства массовой коммуникации (СМК)).

В процессе своей непосредственной деятельности (связанной с трансформацией общественного сознания) происходят своего рода «перекодировки» базового сообщения резонансного характера, когда изменившееся под влиянием СМК отношение общества к определенным значимым политическим событиям меняет общественно-политическую ситуацию в целом. Подобное глубокое изменение ситуации может быть описано и как определенный политико-технологический процесс. Широко известной является модель, называемая экспертами «петля общественного мнения», в рамках которой СМИ влияют на публичных лидеров, формирующих общественные настроения – которые на следующем этапе оказывают воздействие (нередко решающее) на лиц, принимающих политические решения [4, с. 216]. В результате информационно-политический цикл замыкается, когда политические решения реализуются в определенном состоянии публичной сферы.

Сфера принятия решений представляет собой изменчивое пространство возможностей. СМК, реализуя определенную информационно-пропагандистскую линию, создают предпосылки для реализации альтернативного решения из всего спектра возможных вариантов. Так, в случае выборов это принимает форму голосования за того или иного соискателя политических статусов и должностей. В ситуации военного противостояния – форму поддержки того или иного способа его разрешения. Большая часть решений всегда подразумевает определенную альтернативу, и речь идет лишь об определенной расстановке акцентов.

При этом в случае использования политико-информационных технологий, речь чаще всего идет не об альтернативной стратегии публичной коммуникации, но об альтернативном образе политической реальности, сформированной СМК в результате целенаправленной медиа-кампании.

Адекватная существующим запросам социума картина мира позволяет не только истолковывать в свою пользу определенные политические факты, но и последовательно формировать определенную политическую реальность и модель политического порядка. Неадекватная и неустойчивая картина мира не является надежным средством легитимизации существующего политического порядка и весьма уязвима для информационных атак и иных форм контрпропаганды. Пропаганда и контрпропаганда, в свою очередь, неизменно ориентированы на укрепление либо демонтаж картины мира, что неизбежно означает разрушение существующего политического порядка в интересах враждебных ему политических сил.

В итоге медиа-кризисы, разворачивающиеся в информационном пространстве, являются средствами решения политических, социальных, экономических, культурных задач в современном мире, и для их изучения и использования требуется новая методология. При этом следует помнить, что лидирующее положение в медиа-сфере приводит к доминированию в политике и других сферах жизни социума, поэтому вопрос об эффективности использования информационно-политических технологий является особенно актуальным.

Теоретические основания исследования

Проблема эффективности российских политических стратегий (и обслуживающих их технологий) связана с кризисом методологии современных общественных и гуманитарных наук. Одним из возможных путей выхода из подобного кризиса является обращение к системному подходу, который призван прийти на смену методологическому субъективизму и эклектике, которые имели место быть в российской политологии в 1990-е гг. Сложность современных политических процессов требует рассматривать их не как жестко детерминированные, но как сложное динамичное целое, подчиненное законам нелинейной динамики. Политическая система, как любая сложная система, может развиваться, разрешая актуальные противоречия (как внутренние, так и внешние – связанные с внешними вызовами). Осуществлять управление политикой в современных условиях в инерционном режиме едва ли возможно. Подобное актуально и для публичной сферы, когда возрастающая сложность представленных в ней интересов требует более гибких и адаптивных подходов, основанных на усовершенствованной научной методологии.

Методологическая парадигма, способная предложить эффективное решение современных задач, связанных с внутриполитическими и внешнеполитическими вызовами, может быть определена нами как системно-синергодеятельностная [5, с. 54]. Она предполагает рассмотрение политики и массовых коммуникаций как сложных систем,

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-277-288

развивающихся в результате совокупности действий вовлеченных в них акторов (глобальных, национальных, региональных, локальных), что предполагает наличие альтернативных траекторий развития и формирующихся на их основе типов политического порядка. Как мы полагаем, модель ближнего окружения России в виде динамичной полевой структуры открытого типа, а не в форме объекта с предопределенными путем планомерных воздействий качествами [6, с. 22], более соответствует современной ситуации, когда привычные структуры и механизмы, определяющие ход и направленность современного политического процесса, находятся в состоянии глубоких изменений.

Соответствующий подобному видению подход предлагает синергетика – наука, изучающая процессы изменений в системах, находящихся в переходном состоянии. Синергетика – лежащее на стыке естественных и гуманитарных наук направление исследований, изучающее принципы и закономерности процесса самоорганизации сложных систем, или, если использовать более строгое научное определение, «наука, занимающаяся изучением процессов самоорганизации и возникновения, поддержания, устойчивости и распада структур самой различной природы» [7, с. 30–31].

Синергетика изучает изменчивые объекты (природные, социальные и иные системы) как системы, которые являются:

- сложными – то есть включают в себя совокупность различных по своему характеру и функциям (что требует комплексного подхода к управлению ими);
- открытыми – то есть испытывающими на себе разнообразные воздействия и влияния со стороны внешних акторов, изменяющие режим их функционирования и характер развития;
- динамическими – то есть обладающие собственной внутренней динамикой, которая определяется внутренними факторами развития и внешними воздействиями;
- самоорганизующимися – то есть способными перейти из состояния трансформации и перехода (творческого хаоса) в состояние определенного порядка;
- нелинейными – то есть способными развиваться не в соответствии с линейной логикой, но исходя из многообразия вариантов развития и момента неопределенности (точки бифуркации).

Обобщенно синергетика основывается на положении о том, что динамичные и самоорганизующиеся системы всегда открыты для взаимодействия с внешней средой, формируя в результате определенной последовательности трансформаций определенную модель организации и порядка.

В качестве такой развивающейся в соответствии с нелинейными закономерностями системы можно рассматривать как внешнюю политику России во внешнем окружении, так и внутриполитический процесс в сопредельных с ней странах, переживающих период сложных и неоднозначных социально-политических трансформаций.

В подобном неустойчивом (и зачастую кризисном состоянии) даже незначительное по своему масштабу воздействие России на эти процессы (либо отказ от действий) могут привести как к значительным внешнеполитическим выигрышам, так и к масштабным потерям в отношениях с соседними странами. От способности прогнозировать подобные события (точки бифуркации) и использовать их для формирования благоприятных для себя тенденций зависит в конечном итоге сама эффективность внешнеполитической стратегии нашей страны, реализуемой в ее «ближнем окружении».

С позиций заявленного подхода, по нашему глубокому убеждению, и необходимо проводить ревизию сложившегося в России опыта политико-технологической деятельности. Прежде всего, необходимо отказаться от «статического» понимания «суммы технологий», которые являются подходящими и действенными независимо от условий места и времени – напротив, синерго-деятельностный подход требует постоянной адаптации применяемых политических технологий не только к особенностям конкретной ситуации, но и к постоянно изменяющемуся социально-политическому контексту. Во-вторых, необходимо отойти от своеобразного политико-технологического «шаманизма», когда политические технологии (формируемые и используемые на импровизационной основе) способны принести положительный результат в отрыве от продуманной и долгосрочной политической стратегии. В-третьих, следует перестать рассматривать объекты применения политических технологий (общество, конкретные его страты, отдельные субъекты политической системы) в качестве абсолютно пассивного реципиента – но учитывать их реакцию и действовать в соответствии с принципом обратной связи. Наконец, современные политические технологии должны применяться не в «догоняющем режиме», не просто приспосабливаться к политической ситуации, посильно уменьшая риски и масштаб вызовов, но изменять саму эту ситуацию в желательном для заинтересованного политического актора направлении.

Украина как ключевой вызов российским стратегиям и технологиям

Узловым событием, протестировавшим состоятельность российских политических стратегий и технологий, стал современный украинский кризис. Его хронология хорошо известна и многократно описана, и поэтому нет смысла останавливаться на нем подробно. Основными проявлениями украинского «кризиса развития» стал ряд более частных кризисов[1]:

[1] Ярошинская А. От Майдана до войны с Россией // Росбалт. 22.01.2014. Режим доступа: http://www.rosbalt.ru/blogs/2014/01/22/1223971.html (дата обращения: 11.06.2019).

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-277-288

1. Идентификационный – трудно найти позитивную формулу украинского единства в условиях разделения страны на регионы с различными цивилизационными и геополитическими ориентирами.

2. Политический – постоянная борьба между различными группами элиты за власть, ресурсы и влияние, а также постоянное колебание между президентской и парламентской моделями республики.

3. Социальный – деградация общества и основных сфер его жизни, распад социального капитала.

4. Геополитический – невозможность сохранить нейтральный статус в условиях изменчивых и проблемных взаимоотношений между Россией и Западом.

Современная Украина – страна, основным скрепляющим элементом и гарантом суверенитета которой выступают политическая (прежде всего партийная) элита и тесно связанные с ней бизнес-олигархия и государственное чиновничество. Три перечисленных силы готовы были к торгу по политическим и экономическим вопросам с внешними «игроками», не поступаясь при этом по возможности статусными позициями. Украинским олигархам, несмотря на декларируемый ими «державный патриотизм», была противопоказана последовательная институциональная интеграция как в ЕС, так и в структуры формирующегося Евразийского экономического союза (ЕАЭС), по причине их общей неконкурентоспособности они предпочитали работать в рамках «серых» схем экономического взаимодействия с выводом активов на Запад (преимущественно в оффшоры). Процессы «украинизации» публичной сферы (с ограничением сферы применения русского языка, статус которого был закреплен в Конституции 1996 г.) превращал знание украинского языка в своеобразный тест на лояльность политическому проекту, генерированному украинской политической элитой и руководством страны – причем вне зависимости от региона происхождения очередного украинского президента. Система образования Украины (как начального, так и высшего) за период независимости последовательно работала на формирование новой общеукраинской политической идентичности, которая была отнюдь не комплиментарна России и ее долгосрочным интересам. Борьба за уменьшающийся объем экономических ресурсов и за статусные позиции в рамках регулярно переживающих кризис государственной и политической систем Украины периодически приводила к кризисам и формировала ситуацию «неуправляемой полиархии», что оказывало деструктивное воздействие на все основные государственные институты, по большей части оставшиеся в наследство от Украинской ССР. Лишь двоим из числа украинских президентов удавалось восстановить относительно нормальное функционирование институтов государственной власти – однако активное использование вертикали власти и административного ресурса в интересах аффилированных с властью бизнес-структур формировали феномен системной коррупции, которая снова ослабляла государство и создавала почву для социального взрыва. Прогрессивная утрата производственно-технологического комплекса, сформированного на протяжении истории Советской Украины, зависимость суверенной украинской экономики от циклических колебаний на основных экспортных рынках (прежде всего на мировом рынке стали) и вынужденное «сворачивание» механизмов социального государства лишали страну шансов на долгосрочное и стабильное социально-экономическое развитие; не имея значительных запасов энергоресурсов, Украина не могла рассчитывать на эффект «сырьевого роста» в экономике. Воспроизводящиеся кризисы и упадок украинского социума создавали масштабную почву для протестных настроений и роста националистически-популистских настроений, которые эксплуатировали представители национал-демократических и откровенно праворадикальных сил. Однажды узаконенный «Майдан» в итоге трансформировался в значимый (если не ключевой) механизм передела и легитимации власти на Украине, вытесняя традиционные политические институты и блокируя саму возможность для полноценной правовой институциализации в будущем[2]. Протестные настроения, нараставшие в украинском обществе, умело трансформировались политическим классом страны и обслуживающими его медиа-пропагандистами в стойкую антироссийскою позицию, когда Россия и россияне последовательно позиционировались в качестве источника всех бед Украины, что дополнительно способствовало радикализации общественных настроений и утверждению политических практик откровенно антидемократического характера[3].

Крушение вследствие длительного (и перешедшего в 2013 г. в острую и конфронтационную фазу) кризиса режима Виктора Януковича, с которым Россия с переменным успехом пыталась выстраивать взаимовыгодные и сбалансированные отношения, очевидно, нельзя рассматривать в качестве благополучного результата российской политики последних десятилетий в отношении соседней и связанной многими узами с нами страны. В свою очередь, присоединение Крыма к РФ в результате хорошо известных событий февраля-марта 2014 г. на полуострове и вокруг него стало вариантом асимметричного ответа Москвы на излишне радикальную трансформацию внутриполитического статус-кво и внешнеполитических ориентиров соседнего государства; как полагают некоторые

[2] Стоякин В. Майдан как инструмент демократии // Политический технолог Василий Стоякин. 03.04.2014. Режим доступа: http://stoyakin.org.ua/2014/04/majdan-kak-instrument-demokratii (дата обращения: 11.06.2019).

[3] Манчук А. Страна, в которой нет диктатуры // Ліва: интернет-журнал. 16.05.2017. Режим доступа: http://liva.com.ua/no-dictatorship.html (дата обращения: 11.06.2019).

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-277-288

неангажированные новой киевской властью эксперты, Россия посредством столь неординарного шага недвусмысленно заявила о наличии у нее как у великой державы своеобразного права вето на любые односторонние решения, изменяющие политическую ситуацию в ее ближайшем окружении и в мире в целом. «Ревизия мирового порядка», в которой необоснованно обвинили по итогам «крымского решения» 2014 г. Россию, была в действительности начата не ею и задолго до этого в результате односторонних действий Запада в отношении Ирака, бывшей Югославии и Ливии. Результатом дальнейшего развития событий вокруг Украины стал тяжелейший политический кризис на юго-востоке Украины, вылившийся в кровопролитную гражданскую и «гибридную» (по форме) войну на Донбассе. «Русская весна», начавшаяся в ряде областей юга и востока Украины, не привела к перелому ситуации в масштабах всей Украины и сменилась консолидацией политического режима П. Порошенко, умело эксплуатирующего фактор «российской угрозы».

Усугубляет ситуацию то, что на Украине вследствие информационной политики и порожденного ею «милитарного психоза» пока отсутствуют предпосылки для полноценной рефлексии по поводу подлинной природы Евромайдана и его последствий [8]. Одесский журналист, главный редактор газеты «Таймер» Ю. Ткачев полагает, что те, кого сегодня принято называть политическими украинцами, стали жертвой колоссальной по своему масштабу психологической операции, не имеющей аналогов в постсоветской новейшей истории. В данном случае, по его мнению, инициированный с помощью украиских масс-медиа страх выступил как мощнейшая манипулятивная эмоция, изменившая состояние повседневного состояния миллионов украинцев.

В 2014 г. миллионы людей реально верили, что Россия готовит массированное вторжение с целью порабощения Украины силами воинских соединений, состоящих из представителей различных народов, якобы славящихся своей агрессивностью и вооруженных новейшими видами оружия. Россия и россияне были позиционированы как угроза образу жизни и свободам украинцев (хотя реальное наступление на последних вело правительство Украины в процессе радикальных и якобы ориентированных на достижение «европейских» стандартов реформ, фактически демонтировавших социальную сферу страны). Массовый психоз, подкрепленный катастрофическими результатами боевых действий на Донбассе, вылился в массовую русофобию, последствия которой будут ощущаться на Украине еще долго.

Опираясь на эти заключения, Ю. Ткачев выделяет в своей статье несколько референтных групп украинцев по отношению к «майданному феномену».

1. Те, кто пережил мощнейшие личные кризисы, оттолкнулся (в психологическом смысле) от «дна» и начал подниматься в плане осмысления природы Евромайдана и его последствий, проявляя готовность перейти в скором времени и к политическим выводам, и к признанию собственной доли вины в произошедшем и происходящем.

2. Те, кто постепенно начинает осознавать смысл и характер всего произошедшего начиная с 2014 г., но не готов делать ясные выводы и признавать свою личную ответственность из соображений страха – и прежде всего из страха стать изгоями в своей социальной среде, в своем устоявшемся кругу общения, что грозит в итоге потерей общественного положения и работы. В крайней форме препятствием к более глубоким выводам у таких людей может являться возможность поставить таким образом под угрозу свою жизнь, здоровье и свободу; подобные опасения не позволяют многим из них сформировать целостный образ социальной реальности.

3. Люди, которые всё поняли, взвесили, оценили и решили делать вид, что ничего не поняли и продолжают сохранять веру в официальные «майданные» мифологемы и идеологические конструкты. Такие люди фактически лишают себя конструктивного образа будущего и внутреннего психологического комфорта, рискуя «интеллектуальным самоубийством».

4. Люди, которые все еще не поняли до конца смысла произошедших событий и производных от них последствий. В сознании этих людей продолжается своеобразная война: война фактов против мифов, логики против веры. Такие мучительно цепляются за психологически комфортные пропагандистские конструкции (по сути – нагромождения лжи), которые они ошибочно принимают за собственные убеждения. Вместе с тем чувство дискомфорта от осознания увеличивающегося разрыва между пропагандой и реальностью постепенно лишает их внутренней уверенности и размывает майданную идентичность в сознании.

5. Люди, которые не верили в идеалы и цели Евромайдана с самого начала, но были ангажированы возникшим по результатам государственного переворота режима на роль идеологов и технологов масштабной операции по смене доминирующей парадигмы общественного сознания. К их числу относятся т. н. «штатные пропагандисты» режима П. Порошенко, подобные О. Арестовичу, Ю. Бутусову, М. Ганапольскому и ряду других. Неразрывная связь этих людей с правящим на Украине режимом и осознаваемая ими доля ответственности за его деяния не позволяют рассчитывать на какое-либо их «прозрение» в обозримом будущем.

6. Идейные нацисты, социальные реваншисты, уголовники, «бизнесмены» на крови и на войне, представляющие собой различные типы социальных маргиналов и девиантов, – то есть все те, для кого эта война стала уникальной возможностью совершить колоссальный апгрейд, проявив свою действительную антисоциальную и деструктивную сущность. Поскольку данные люди являются носителями очевидной социальной патологии, надеяться на их интеграцию в какое-либо подобие

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-277-288

нормального социального и политического порядка едва ли приходится, и единственным возможным вариантом является ставка на их перевоспитание силами здорового большинства украинского общества (которое еще предстоит сформировать)[4].

Недостаточная эффективность российских подходов к Украине

Российские эксперты по Украине, как нам видится, не продемонстрировали готовности в полной мере осмыслить происходящие в украинском социуме изменения. Не менее значимым является вопрос о том, как могла сложиться в соседнем государстве подобная ситуация [9]. На наш взгляд, при формировании долгосрочной стратегии (и ее политико-технологического обеспечения) России в отношении Украины был допущен целый ряд недостатков и ошибок.

1. Общая недооценка пластичности и лабильности общественно-политического сознания украинского социума, что предопределило его изменчивость как следствие трансформаций социально-политической и идеологической ситуации в стране [10, с. 333–334], которая после 1991 г. постепенно трансформировалась в сторону усиления негативного отношения к России.

2. Игнорирование фактора беззащитности украинского общества перед лицом современных технологий деструктивного характер [11], который превращает значительную его часть в объект манипулятивных воздействий с тяжелейшими социально-политическими последствиями.

3. Недооценка позиции значительной части русскоязычной киевской интеллигенции, вовлеченной по идейным и практическим соображениям в проект «европейской Украины», дистанцировавший ее от России[5].

4. Непонимание феномена русскоязычного проукраинского нацизма (т. н. радикального патриотизма), сложившегося в юго-восточных регионах Украины, преимущественно в переживающих социальный упадок индустриальных центрах наподобие бывшего Днепропетровска и Запорожья (который следует отличать от антропологически и культурно мотивированного нацизма, сложившегося в маргинальных слоях населения Западной Украины)[6] – именно с ним следует связывать феномен «Правого сектора» (отчасти), русскоязычных добровольческих батальонов на Донбассе, гражданского корпуса «Азов».

5. Очевидная недооценка влияния многочисленных антироссийских стереотипов, существовавших и воспроизводившихся в украинском массовом сознании на «бытовом» уровне еще в советский период истории [12] и актуализированных посредством целенаправленной политизации уже в годы независимости.

6. Недооценка политической и государственной незрелости украинского политического класса, который (вне зависимости от партийной принадлежности) в силу своего «корпоративного эгоизма» и стремления к извлечению «ренты» из контролируемой им страны привел ее к глубокому системному кризису и подвел под режим «внешнего управления». Причина этому – отсутствие у украинского политического класса продуманной и ответственной стратегии государственного строительства [13].

7. Не принятый во внимание политический инфантилизм украинского крупного бизнеса – олигархов, которые, поддержав в большинстве своем Евромайдан и свержение режима В. Януковича, фактически лишились полноценного суверенного государства как институции, способной и готовой защищать их интересы перед лицом внешнего давления – что ставит сегодня украинскую олигархию перед реальной угрозой «ликвидации как класса» в интересах иностранного капитала (судьбы Д. Фирташа и скандально известного И. Коломойского – тому яркое подтверждение). По нашему мнению, последнее лишь подтверждает то очевидное обстоятельство, что украинский национальный капитал так и не смог осознать не только национальные, но и собственно корпоративные интересы, стать полноценным и ответственным субъектом политики [14].

8. Недооценка фактора нарастающего дефицита экономических ресурсов на Украине с начала 2000-х гг., связанного со структурной деградацией, масштабной коррупцией и отсутствием полноценной стратегии развития[7]. Последний способствовал обострению борьбы группировок внутри украинского правящего класса и создавал предпосылки для свертывания механизмов социального государства и последующего «социального взрыва».

9. Недооцененная экспертами глубокая маргинализация населения Украины вследствие углублявшегося в течение двух десятилетий социально-экономического кризиса, наличие большого числа «переходных» групп со склонностью к аномическим проявлениям – именно это стало основанием для возникновения протестных настроений, которые сформировали социальную основу для Евромайдана как явления[8].

[4] Ткачев Ю. Как обманули страдающих политическим украинством // Монитор Юг. 05.12.2018. Режим доступа: https://mnyug.com/2097-kak-obmanuli-stradayuschih-politicheskim-ukrainstvom-i-kak-ih-vylechit.html (дата обращения: 11.06.2019).

[5] Бабицкий А. Россия и Запад: каким будет выбор русской интеллигенции Украины // Украина.ру. 15.01.2018. Режим доступа: https://ukraina.ru/opinion/20180115/1019772941.html (дата обращения: 11.06.2019).

[6] Стоякин В. Городской расизм или сельский нацизм? Как на Украине скрестить ужа с ежом // Политический технолог Василий Стоякин. 12.11.2018. Режим доступа: http://stoyakin.org.ua/gorodskoj-rasizm-ili-selskij-nacizm-kak-na-ukraine-skrestit-uzha-s-ezhom/ (дата обращения: 11.06.2019).

[7] Коваленко В. Ресурсный дефицит Проекта Украина. 02.03.2011. Режим доступа: http://pickalov.narod.ru/resurs.htm (дата обращения: 11.06.2019).

[8] Тышкевич И. Почему аграрный и металлургический фетишизм не спасёт Украину // Хвыля. 29.10.16. Режим доступа: http://hvylya.net/analytics/economics/pochemu-agrarnyiy-i-metallurgicheskiy-fetishizm-ne-spasyot-ukrainu.html (дата обращения: 11.06.2019).

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-277-288

10. Недоучтенный российскими исследователями Украины своеобразный «полит-технологический фетишизм» политического класса Украины, создавший целый слой политтехнологов, которые в ситуации отсутствия у политиков страны последовательной и продуманной стратегии занимались пиаровским мифотворчеством либо просто осваивали выделяемые бюджеты, в то время как созданные украинскими олигархами медиа-холдинги используются не для продвижения полноценной общественно-политической повестки, а для продвижения во власть собственных политических лоббистов в расчете на возмещение затраченных средств[9].

11. Недооценка сложности ситуации в конфессиональной сфере Украины, где с целью ослабления позиций канонической Украинской православной церкви Московского патриархата (УПЦ МП) в результате инициированного властями Киева (бывший президент Л. Кравчук) церковного раскола путем учреждения не признаваемой до последнего времени Украинской православной церкви Киевского патриархата во главе с самочинно присвоившим себе титул митрополита М. Денисенко (Филаретом). Наряду с этим, с момента обретения Украиной независимости продолжалась экспансия греко-католической (униатской) и различных протестантских конфессий при активной поддержке из-за рубежа Украины, что ослабило единство православного духовного пространства, связывающего страну с Россией[10].

12. Не принятая во внимание российским экспертным сообществом целенаправленная общеукраинская политическая и информационная кампания по демонизации Донбасса, начатая по согласованию несколькими элитными кланами Украины (прежде всего киевским и днепропетровским) накануне парламентских выборов 2002 г. (и направленная тогда против провластного блока «За единую Украину») и достигшая своего апогея в преддверии президентских выборов 2004 года (вылившись в первый Майдан) и на рубеже 2013–2014 гг., став в итоге частью кампании «милитарного психоза» в ситуации военного конфликта вокруг донецкого региона, начиная с весны 2014 г.[11]

При этом главным подтверждением тезиса о недостаточной эффективности российских подходов к Украине является ситуация, когда в соседней стране отсутствует не просто пророссийская, но и просто принципиальная и последовательная оппозиция режиму П. Порошенко из числа легально действующих политических сил.

Напомним, что Евромайдан стал не просто политическим поражением, но фактическим разгромом Партии Регионов, которая в период существования режима В. Януковича являлась не просто политико-бизнесовой структурой, но и своеобразным фундаментом для частично восстановленной предшествующим президентом Украины вертикали власти. При этом сама Партия Регионов с точки зрения своей внутренней структуры представляла собой коалицию групп влияния, одна из которых была ориентирована на В. Януковича, другая – на главного партийного спонсора Р. Ахметова, третья – на бывшего главу администрации президента Украины С. Лёвочкина и связанных с ним украинских олигархов. Майдан завершился вооружённым переворотом 22 февраля 2014 г., и для легитимации власти понадобились досрочные президентские выборы в апреле 2014 г., на которых победу одержал бывший «регионал» и министр в кабинете министров Азарова П. Порошенко. Фрагменты фактически распавшейся после переворота Партии Регионов были приглашены к участию в легитимации режима Порошенко, приняв в составе переизбранной 26 октября 2014 г. Верховной Рады форму «Оппозиционного блока» (помимо других выделившихся из состава Партии Регионов более мелких парламентских групп).

В свое время Партия Регионов в масштабах всей Украины активно работала на «мягкую» нейтрализацию всех действительно пророссийских партий и движений, включая такие территории, как Крым и Донбасс. Обладая значительной поддержкой со стороны русскоязычных и пророссийских избирателей юго-востока Украины, эта партия раз за разом конвертировала их поддержку на выборах во властные позиции и статусы в Киеве, участвуя в политических «торгах» и соглашаясь по их итогам на ущемление прав и интересов своего электората. На этом фоне возникший в результате распада Партии Регионов «Оппозиционный блок» представляет собой еще более характерное явление. В рядах этого «ребрендингового» объединения ведущие позиции занимают люди, благодаря которым Майдан состоялся как феномен и сумел опрокинуть государственную власть. В числе этих деятелей – Сергей Лёвочкин, который в конце ноября 2013 г. вместе с Дмитрием Фирташем смоделировал знаменитую ситуацию с «избиением студентов», ставшую триггером для «перезапуска» Евромайдана после исчерпания потенциала у не слишком масштабной акции, инициированной либеральным журналистом Мустафой Найемом в ответ на отложенное В. Януковичем подписание Соглашения об ассоциации с ЕС. Помимо бывшего главы президентской администрации, в число содействующих победе Майдана лиц входят упомянутый выше «хозяин Донбасса» Ринат Ахметов

[9] Стоякин В. О глубоких стратегиях Украине можно пока забыть // Политический технолог Василий Стоякин. 17.02.2014. Режим доступа: http://stoyakin.org.ua/2014/02/vasilij-stoyakin-o-glubokix-strategiyax-ukraine-poka-mozhno-zabyt (дата обращения: 11.06.2019).

[10] Скворцов Д. Украина как театр военных действий против христианской цивилизации // Украина.Ру. 20.10.2015. Режим доступа: https://ukraina.ru/opinions/20151020/1014595022.html (дата обращения: 11.06.2019).

[11] Хавич О. История дегуманизации Донбасса. 03.09.2015. Режим доступа: https://automobilrevue.net/v/S0ExcmMxdzlVNU0 (дата обращения: 11.06.2019).

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-277-288

и его многолетний пиар-менеджер и сподвижник Борис Колесников, которые своим влиянием в критические дни февраля 2014 г. фактически заблокировали силовой разгон вышедших из под контроля радикалов, к которому склонялся тогда В. Янукович. Заслуживает быть отмеченным и главный партийный эксперт по вопросам энергетики Юрий Бойко, который четыре года уверял Януковича и Азарова в принципиальной способности властей Киева договориться о льготной цене на газ для Украины без вхождения в состав Таможенного Союза, что подтолкнуло В. Януковича к авантюрной игре на противоречиях между Западом и Россией, приведшей его в итоге к крушению. Помимо упомянутых выше лиц, в число теневых «провайдеров» Майдана вошли многие состоявшие в Партии Регионов депутаты, чиновники, министры, главы региональных администраций, работавшие после 2010 г. на проект евроинтеграции, после февраля 2014 г. вместо защиты интересов своих избирателей (к чему их формально не обязывало украинское законодательство) стали дополнительным инструментом легитимации нового «постреволюционного» режима.

При этом лидеры новосозданного «Оппозиционного блока» были готовы отказаться от всякой реальной власти в обмен на сохранение их финансово-экономических «империй» и «зон бизнес-интересов». Причем истоки этой политической сделки восходят к предшествующему Майдану периоду (достаточно вспомнить, что П. Порошенко в свое время являлся не просто рядовым членом, а одним из «отцов-основателей» Партии Регионов). Потенциальная готовность значительной части «регионалов» к коллаборационизму, проявлявшаяся ими задолго до начала Евромайдана, стала одной из важных составляющих победы последнего – когда члены ближайшего окружения, не обладающего сильной политической волей В. Януковича, фактически ввели его в заблуждение и дезориентировали[12]. После бегства Януковича из Киева именно эти деятели Партии Регионов устами главы их партийной фракции в парламенте Ефремова отреклись от законного президента, переложив на него всю вину за произошедшие тогда события и сложившуюся ситуацию.

Режим П. Порошенко, стремящийся использовать в своих интересах различные каналы влияния, фактически интегрировал в число «доверенных партнеров» президента ряд видных фигур из числа регионалов и их «спонсоров». Парадокс «революции достоинства» состоял в том, что немалая часть ее прямых и косвенных победителей (Юлия Тимошенко, Игорь Коломойский, Дмитрий Фирташ) не вошли в число ее бенефициаров, в то время как некоторые бывшие «кучмисты» и «регионалы» превратились в фактических «акционеров» нового режима. Так, группа Ахметова сумела договориться с П. Порошенко, была принята в неформальный «президентский пул бенефециаров» и стала участником нового масштабного передела собственности. Благодаря подобному альянсу Ахметов избежал масштабного банкротства, хотя и потерял часть активов из-за мирового и внутриукраинского экономических кризисов и конфликта на Донбассе. Подобные персональные успехи в ситуации ослабления целого ряда значимых властных и экономических институтов лишь подтверждает преобладание кризисных трендов.

В то же время выстроенная и активно эксплуатировавшаяся П. Порошенко за время его президентского срока «пропагандистская машина» превратилась в инструмент мощной антироссийской кампании, которая обеспечила дополнительную легитимацию созданному им политическому режиму. Консолидированный вокруг Порошенко сегмент украинского политического класса сделал «антироссийскость» своей «визитной карточкой», содействуя трансформации в соответствующем направлении сознания части украинского общества.

Данные социологических опросов последнего времени показывают, что массированная антироссийская пропаганда, ведшаяся с весны-лета 2014 г., позволила сформировать сравнительно прочное «ядро» людей, негативно относящихся к России. Согласно им, на Украине в феврале 2018 г. хорошо или очень хорошо относятся к России 45 % украинцев, плохо или очень плохо – 38 %, в то время как 17 % не определились.

При этом отношение украинцев к России существенно зависит от региона – на западе положительно относятся к России 25 %, в центре – 47 %, на юге – 54 %, на востоке – 58 %.

По отношению к России как к государству украинское общество пребывает в состоянии разделения. Согласно данным опроса, на Украине сегодня одинаковое количество тех, кто хочет закрытых границ с Россией, и тех, кто стремится к независимым, но дружеским отношениям (44 %). Объединиться в одну страну хотят 3 % опрошенных украинцев (в декабре было 4 %, разница статистически не значащая).

Динамика отношения украинцев к россиянам как к народу и нации схожа, но все же несколько отличается от их отношения к России как к государству. По данным КМИС, в мае 2016 г. о хорошем отношении к россиянам высказалось 67 % респондентов из Украины (15 % – очень хорошо и 52 % – скорее хорошо), а в феврале 2019 г. этот показатель составил 77 % (23 % – очень хорошо и 54 % – скорее хорошо). В мае 2016 г. 80 % украинских респондентов негативно отнеслись к руководству РФ (14 % – в основном плохо, 66 % – очень плохо), а в феврале 2019 г. – 69 % (22 % и 47 % соответственно). В этом также можно усмотреть следствие ведшейся на Украине массированной антироссийской пропагандистской кампании, умело использующей ограниченность информации и существующие

[12] Мартынюк В. Партия регионов стала партией предательства. 17.04.2014. Режим доступа: http://www.km.ru/world/2014/04/17/protivostoyanie-na-ukraine-2013-14/737662-partiya-regionov-stala-partiei-predatelst (дата обращения: 11.06.2019).

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-277-288

в украинском обществе стереотипы, и сфокусированной в том числе и на руководстве нашей страны.

В свою очередь, «ошеломляющая победа» (*landslide victory*) (73,22 % голосов от общего числа принявших участие в голосовании) бывшего участника КВН, талантливого артиста комедийного жанра и успешного медиа-менеджера Владимира Зеленского на президентских выборах 2019 г. на Украине действительно на время возродила политическую интригу и дискуссии о возможном изменении политического курса страны, но затем последовали неоднозначные по своему характеру шаги и действия нового президента Украины, выдержанные в конфронтационном ключе по отношению к России и демонстрирующие известную растерянность при решении внутренних политических вопросов. На наш взгляд, многие первоначальные ожидания и авансы в отношении В. Зеленского были завышенными, поскольку в результате его электоральной победы на смену одной условной «фракции» победившего Евромайдана (националистически-ориентированной, с праворадикальным уклоном и активным педалированием идеи национализма) приходит другая «фракция» триумфаторов 2014 г. – ориентированная на Европу и Запад и не ангажированная идеями национализма, но при этом вполне национал-патриотическая и видящая своей целью дальнейшее всемерное дистанцирование от России при опоре на либертарианскую и реформистскую идеологию. «Мягкий вариант» платформы Евромайдана был готов и на западе страны (видевшем в режиме П. Порошенко продолжение коррупционных черт предшествующего режима В. Януковича), и на востоке (которому предполагается делать дозированные уступки и убеждать в преимуществах «европейского пути»). В итоге В. Зеленский, создавший себе благодаря сериалу «Слуга народа» привлекательный имидж и уверенно собравший голоса недовольных избирателей, уверенно победил провалившего менеджерские задачи и сделавшего ставку на централизованную государственную агитацию и пропаганду П. Порошенко.

Данные опросов украинской социологической группы «Рейтинг», проведенных в апреле-мае 2019 г. в период развернувшейся тогда избирательной кампании, позволяют охарактеризовать совокупно Владимира Зеленского украинскими респондентами как «президента надежды». Согласно данным опроса от 12–16 апреля, 48 % респондентов ждали улучшения ситуации в стране по итогам президентских выборов. При этом 25 % не предполагали в результате выборов никаких позитивных изменений, а еще 10 % предполагали возможное ухудшение.

Как представляется, ключевыми задачами Владимира Зеленского как новоизбранного президента Украины могу считаться:

- сохранить свой гетерогенный электорат, для чего необходимо не делать «резких движений», т. е. шагов, способных отвратить от него различные группы его избирателей;
- снять накопившееся вследствие социальной неудовлетворенности и по возможности сплотить вокруг созидательных задач переживший в последние годы глубокие трансформации украинский социум;
- закрепить в сознании избирателей свой имидж как серьезного и дееспособного государственного деятеля, успешного в решении накопившихся проблем;
- оперативно сформировать собственную политическую и управленческую команду, свободную от тесных связей с прежним режимом и свободную работать на укрепление имиджа нового президента;
- лишить политического влияния коалицию политиков, заседавших в последнем составе Верховной Рады;
- получить постоянную и устойчивую поддержку Запада и США;
- запустить и реализовать программу «глубоких реформ» по «рецептам МВФ», убедив в их необходимости украинское общество и дополнив их борьбой с коррупцией и «деолигархизацией» (то есть расчисткой «пространства» для активности транснационального капитала). Реализация данного пункта «актуальной повестки» представляется наиболее проблемной в кризисном украинском обществе.

Раздавая не вполне реалистичные обещания и транслируя противоречивые сигналы различным сегментам украинского общества и группам электората, В. Зеленский рискует повторить путь триумфально избранного в 2017 г. французского президента Эммануэля Макрона, получившего в своей стране масштабную поддержку избирателей вследствие крайней непопулярности прежнего истеблишмента и его политики и активно продвигавшего дискурс социального обновления; однако растратившего этот символический капитал вследствие инициированных им жестких и непопулярных реформ и жесткого управленческого стиля. Разочарование французских избирателей преобразовалось во взрыв социального протеста, вершиной чего стало движение «желтых жилетов», потрясшее основы режима Пятой Республики.

Среди ближайших перспектив Украины – неизбежный передел власти и собственности (собственно, уже начавшийся) процесс частичного «замещения» и обновления состава политического класса Украины (за счет приведенных в политику В. Зеленским «новых лиц»). Что касается миротворческих инициатив новой власти, то они неизбежны, однако прорывов на этом направлении ожидать сложно – поскольку «партия войны» на Украине достаточно сильна, а внешнеполитические обязательства, принятые В. Зеленским, достаточно обременительны. Что же касается реформ, то их «углубление» в соответствии с рекомендациями МВФ и с неоднозначными для страны и для рейтинга самого украинского президента последствиями также представляются неизбежными. «Либертарианская

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-277-288

платформа» партии «Слуга народа», уверенно проходящей в Верховную Раду, может обернуться для страны масштабными политическими сюрпризами. Таким образом, несмотря на масштабное протестное голосование, изменить вектор развития Украины, заданный Евромайданом, в ближайшее время едва ли удастся. Российскими экспертам по Украине еще предстоит осмыслить причины устойчивости заданного в 2014 г. политического и социально-экономического курса – равно как и многих других феноменов современной украинской политики. Пока же говорить о полноценной экспертной рефлексии относительно причин ощутимой неудачи российской политики в отношении Украины нельзя [15].

Заключение

Понимание проблем политического развития Украины немалой частью российского экспертного сообщества безусловно заслуживает критического анализа и оценки. Подход России к защите своих интересов на Украине был преимущественно инерционным, без понимания ситуации комплексно и в динамике. Следуя устоявшимся дипломатическим традициям, Россия традиционно делала ставку на соглашения с украинской властью и близкими с ней сегментами элиты (в ситуации постоянного ослабления пророссийской ориентации и усиления прозападной ангажированности украинского политического класса). При этом игнорировались внутриэлитная динамика и нарастающая политизация украинского общества в целом в ответ на внешние вызовы и углубляющийся внутренний кризис. Совокупность политических факторов на протяжении двух с лишних десятилетий работали против интересов России, в то время как российское экспертное сообщество и связанные с реализацией проекта «Русский мир» общественные организации продолжали руководствоваться в отношении Украины очевидно устаревшими клише.

Главная же политтехнологическая проблема в контексте описываемой нами ситуации заключалась в том, что Россия проиграла борьбу за публичное и сетевое пространство Украины, борьбу за сознание «среднего украинца» и молодое поколение страны гораздо раньше драматических и переломных событий 2014 г. Поэтому следует определиться, почему же это произошло.

Что же остается делать России в сложившейся ситуации? Очевидно, что необходимо пересмотреть не только стратегии, но и технологии осуществления политического влияния в ближнем зарубежье – причем делать это необходимо в оперативном режиме. Речь должна идти не просто о мониторинге ситуации, но о необходимости прямого и косвенного управления ею с помощью всей совокупности имеющихся ресурсов влияния (принимая во внимание все возникшие и объективно существующие ограничения).

Отдельного рассмотрения заслуживают закономерности, обнаруживаемые в результате анализа эффективности российских стратегий и технологий, примененных в отношении Украины:

1. Избыток ресурсов и множественность контактов и связей не всегда обеспечивают успешное и эффективное влияние на любое из числа соседних государств, некогда входивших в единый СССР. Без наличия долгосрочного и привлекательного проекта «совместного будущего» подобные контакты и связи оказываются малоэффективными.

2. Успешное влияние на внешний социум и политику достигается, когда инфраструктура влияния является консолидированной, т. е. когда все ресурсы политики собраны воедино и работают на единую долгосрочную цель и производные от нее более частные задачи.

3. Основа мягкой силы – привлекательный и многогранный образ страны, последовательно закрепляемый в сознании жителей других государств. У России такого образа в сознании украинцев в полной мере не сложилось, поскольку в российском общественном мнении консенсус по проблемам исторического прошлого пока так и не сложился, а представление о ближайшей исторической перспективе остается дискуссионным и расплывчатым, предельно общим.

По нашему мнению, ключевыми условиями эффективности формирования и управления политической ситуацией в сопредельных постсоветских государствах соответственно являются следующие.

1. Своевременность информационно-пропагандистских воздействий (России необходимо осуществлять про-активное конструирование и перспективное моделирование политической ситуации в той или иной стране постсоветского пространства, подразумевая резонансные воздействия на общественное мнение в соответствующей стране постсоветского пространства).

2. Системность (всеохватность) воздействий на общественное мнение граждан постсоветских государств, в тесной взаимосвязи с кругом вопросов, присутствующих на повестке дня постсоветских государств.

3. Соотнесенность используемых стратегий и технологий существующим в постсоветских странах политическим реалиям и вызовам момента.

4. Сфокусированность оказываемых политических влияний на значимые кризисные ситуации и целевые группы, позволяющие путем «точечных» воздействий изменять публичные ориентиры и политическую ситуацию в странах «ближнего окружения», уменьшая масштаб существующих рисков и вызовов в отношении России.

5. Способность к систематическому воспроизводству политических дискурсов, связанных с устоявшимися убеждениями, нормами и ценностями жителей постсоветских государств.

6. Ясная и непротиворечивая формулировка позиции (мнения) России по всему спектру вопросов с акцентированием содержательной и понятной альтернативы

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-277-288

существующим в пределах постсоветского пространства деструктивным политическим стратегиям и практикам.

Особое значение в этой связи могут иметь резонансные технологии воздействия на общественное мнение. Обобщенно политический резонанс – это реакция общественного мнения, определенных слоев и групп общества на текущие политические события и процессы, и прежде всего на решения и действия официальной власти, имеющие публичный характер. Возникновению политических резонансов содействуют современные СМК, которые выполняют не только функцию информирования общества, но и создают в сознании общества определенный образ власти и проводимой ею политики, структурируя публичное пространство. Ситуация в публичной сфере, таким образом, во все большей степени зависит от стратегии, которую избирают СМК.

Гибкое и эффективное управление политическими резонансами создает возможности для ослабления и нейтрализации информационных атак и вызовов и для осуществления собственной информационной стратегии – что создает предпосылки для проведения политики в отношении стран ближнего зарубежья. Резонанс – важная составная часть системы управления общественным мнением, гибкий инструмент, содействующий формированию коллективной воли общества. Наконец, политический резонанс – это средство нахождения компромисса по принципиальным вопросам между властью и обществом с помощью инструментария публичной политики.

Предлагаемый нами подход к использованию политических стратегий, очевидно, нуждается в доработке и конкретизации. При этом делать это придется в сжатые временные сроки и не в самых благоприятных условиях. Однако без формирования новых подходов ни одной стране мира не удастся приспособиться к вызовам современной реальности – последнее необходимо России не только для формирования благоприятной ситуации во внешнеполитическом окружении, но и для сохранения себя в качестве страны, социума и цивилизации в условиях происходящих на наших глазах изменений [16].

Литература

1. Матвейчев О. А. Уши машут ослом: сумма политтехнологий. М.: Алгоритм, 2008. 637 с.
2. Žižek S. Blasphemische Gedanken: Islam und Moderne. Berlin: Ullstein, 2015. 67 s.
3. Corcuff Ph., Accardo A. La Sociologie de Bourdieu: Textes choisis et commentés. Paris: Le Mascaret, 1986. 223 p.
4. Годдард Б. Кампании поддержки политических решений // Справочник по политическому консультированию / под ред. Д. Д. Перлматтера. М.: ИНФРА-М, 2002. С. 211–220.
5. Гомеров И. Н. Структура и свойства власти. Новосибирск: СибУПК, 2000. 231 с.
6. Абрамов Ю. Ф., Бондаренко О. В. Синерго-гомеостатический подход к проблеме безопасного устойчивого развития региона. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 2002. 56 с.
7. Данилов Ю. А., Кадомцев Б. Б. Что такое синергетика? // Нелинейные волны. Самоорганизация / отв. ред. А. В. Гапонов-Грехов, М. И. Рабинович. М.: Наука, 1983. С. 30–43.
8. Вершинин Л. Р. Евромайдан. Кто уничтожил Украину? М.: Алгоритм, 2014. 208 с.
9. Прокопенко И. С. Вся правда об Украине. Кому выгоден раскол страны? М.: Алгоритм, 2015. 206 с.
10. Жильцов С. С. Украина: 20 лет пути к независимости. М.: Восток-Запад, 2012. 336 с.
11. Кара-Мурза С. Г. Революции на экспорт. М.: Эксмо, 2004. 327 с.
12. Даренский В. Причины феномена массового национализма на современной Украине // Свободная мысль. 2016. № 5. С. 39–52.
13. Ставицкий А. В. Украинская элита: идентичность и геополитический выбор. Севастополь: Рибэст, 2013. 208 с.
14. Аксёненко С. И. Последнее прибежище. Зачем Коломойскому нужна Украина. М.: Алгоритм, 2014. 180 с.
15. Бирюков С. В., Андреев А. В. Украинский кризис российской политики. К ревизии политических технологий // Вопросы политологии. 2017. № 4. С. 215–222.
16. Бирюков С. В., Андреев А. В. Информационная революция, политические резонансы и проблемы управления публичной сферой // Этносоциум. 2014. № 12. С. 80–85.

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-277-288

The Ukrainian Crisis and Russia: Theoretical and Technological Aspects of the Problem

Andrey V. Andreev [a, @]
[a] Provincial television and radio channel "Kuzbass", 7, 3, Telecentr St., Kemerovo, Russia, 650036
[@] andreev@gtrk.kuzbass.net

Received 13.06.2019. Accepted 30.07.2019.

Abstract: The article deals with the intermediate results of the use of a set of Russian political strategies and technologies in the Ukrainian direction of Foreign Policy since Ukraine gained independence. The research takes into account the peculiarities of the political development of Ukraine. The research objective was to identify the prerequisites, characteristics, and consequences of the Ukrainian political crisis at the turn of 2013–2014 and the resulting political regime and order. A systematic approach and comparative analysis made it possible to formulate a general assessment of the political situation in Ukraine following the so-called "the Revolution of Dignity". On the basis of formal-logical analysis, the author substantiated the need for a comprehensive audit of the amount of Russian technologies through the application of system analysis to certain political circumstances. The author substantiated the increasing role of political technologies of pro-active character in the situation of deep crisis of previously effective political institutions, mechanisms, and norms. The resonant nature of such technologies made it possible to link the latter with the political reflection on the place and role of Ukraine in the system of Russian Foreign Policy, as well as on the peculiarities of the Ukrainian political process and the nature of its political system. The author generalized the experience of Russian influence on the mentioned Ukrainian events and defined the general conditions that can allow Russia to affect a changeable political situation in the post-Soviet countries, taking into account the inconsistency of modern political trends. The scope of the results can be used in the spheres of foreign policy, public administration, and public policy.

Keywords: political technology, political strategy, system approach, post-Soviet space, development crises, Ukraine, post-crisis regulation, political reflection, Pro-active approach

For citation: Andreev A. V. The Ukrainian Crisis and Russia: Theoretical and Technological Aspects of the Problem. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2019, 4(3): 277–288. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2019-4-3-277-288

References

1. Matveichev O. A. *Tail wagst dog: the sum of political technology.* Moscow: Algoritm, 2008, 637. (In Russ.)
2. Žižek S. *Blasphemische Gedanken: Islam und Moderne.* Berlin: Ullstein, 2015, 67.
3. Corcuff Ph., Accardo A. *La Sociologie de Bourdieu: Textes choisis et commentés*. Paris: Le Mascaret, 1986, 223.
4. Goddard B. Political decision support campaigns. *Political counseling handbook,* ed. Perlmatter D. D. Moscow: INFRA-M, 2002, 211–220. (In Russ.)
5. Gomerov I. N. *The structure and properties of power.* Novosibirsk: SibUPK, 2000, 231. (In Russ.)
6. Abramov Iu. F., Bondarenko O. V. *Synergy-homeostatic approach to the problem of safe sustainable development of the region.* Irkutsk: Irkutskii gos. un-t, 2002, 56. (In Russ.)
7. Danilov Iu. A., Kadomtsev B. B. What is synergetics? *Nonlinear waves. Self-organization*, eds. Gaponov-Grekhov A. V., Rabinovich M. I. Moscow: Nauka, 1983, 30–43. (In Russ.)
8. Vershinin L. R. *Euromaidan. Who destroyed Ukraine?* Moscow: Algoritm, 2014, 208. (In Russ.)
9. Prokopenko I. S. *The whole truth about Ukraine. Who benefits from the split in the country?* Moscow: Algoritm, 2015, 206. (In Russ.)
10. Zhiltsov S. S. *Ukraine: 20 years of independence.* Moscow: Vostok-Zapad, 2012, 336. (In Russ.)
11. Kara-Murza S. G. *Revolution for export.* Moscow: Eksmo, 2004, 327. (In Russ.)
12. Darenskii V. Causes of mass nationalism in the contemporary Ukraine. *Free Thought*, 2016, (5): 39–52. (In Russ.)
13. Stavitskii A. V. *Ukrainian elite: identity and geopolitical choice.* Sevastopol: Ribest, 2013, 208. (In Russ.)
14. Aksenenko S. I. *The last refuge. Why Kolomoisky needs Ukraine.* Moscow: Algoritm, 2014, 180. (In Russ.)
15. Biryukov S. V., Andreev A. V. The Ukrainian crisis of Russian politics. To the revision of political technology. *Voprosy politologii*, 2017, (4): 215–222. (In Russ.)
16. Biryukov S. V., Andreev A. V. The information revolution, political resonance and problems of the managing of public sphere. *Etnosotsium*, 2014, (12): 80–85. (In Russ.)